

Чу Тяньсюй сказал:

— Подождите здесь и не разговаривайте. — С этими словами он подошёл к внутренней двери и тихо постучал три раза, почтительно произнеся:

— Учитель, это Тяньсюй.

Из-за двери не последовало ответа, но она открылась сама. Чу Тяньсюй обменялся взглядом с Янь Янем и вошёл.

Что происходило внутри, они не знали. Янь Янь держал руку Линъюаня и молча стоял, терпеливо ожидая. Они ждали долго, до заката, до восхода луны, а затем и до рассвета, прежде чем дверь открылась, и Чу Тяньсюй наконец вышел.

— Учитель не хочет видеть тебя, но велел передать это. — Чу Тяньсюй протянул Янь Яню лаковую шкатулку. Тот открыл её и увидел чёрную пилюлю.

— Призрачного гу могут использовать только призраки. Тот, кто наложил на тебя этот гу, уже мёртв.

— Это лекарство сохранит тебе ясность ума на три месяца. Если за это время ты принесешь гу, то судьба будет к тебе благосклонна, и учитель сам избавит тебя от яда. Если не принесешь, гу активируется, и ты будешь страдать хуже смерти. — Чу Тяньсюй вздохнул. — Полагайся на судьбу.

Он посмотрел на Янь Яня и серьёзно сказал:

— Господин Янь, я сделал всё, что мог. Дальше вы сами... Будьте осторожны.

Янь Янь и Линъюань низко поклонились Чу Тяньсюю. Линъюань сказал:

— Жизнь и смерть предопределены. Патриарх Шэнь, не держа зла, подарил мне три месяца жизни. Линъюань бесконечно благодарен. Господин Чу, ваша доброта навсегда останется в моём сердце.

Чу Тяньсюй улыбнулся.

— Хватит, я провожу вас вниз, поспешите.

Чу Тяньсюй проводил их до подножия горы, но теперь, в отличие от подъёма, он шёл молча. Дойдя до конца пути, он повернулся, чтобы уйти.

— Господин Чу, — позвал его Янь Янь.

Чу Тяньсюй обернулся.

— Что, ещё что-то?

Янь Янь колебался, но всё же задал вопрос, который давно его мучил:

— Мы с вами не родственники, и люди Цюнцана не любят Линъюаня. Почему вы нам помогаете?

Чу Тяньсюй усмехнулся.

— Ни почему. Ты мне просто симпатичен.

Янь Янь с недоумением кивнул и больше не спрашивал. Он смотрел, как Чу Тяньсюй уходит.

Чу Тяньсюй сделал несколько шагов, затем, стиснув зубы, вернулся.

— Линъюань.

— Господин Чу?

— То, что произошло тогда... я... я тебе верил.

Линъюань на мгновение замер, затем улыбнулся.

— Линъюань знает.

Чу Тяньсюй кивнул и ушёл, не оглядываясь.

— Линъюань, куда мы пойдём?

— В Варварское царство Мобэй, искать Сяо Яо.

Янь Янь давно догадывался, что Линъюань отправится в Варварское царство, но это место принесло ему столько страданий, что он не решался заговорить.

— Линъюань, ты уверен, что сможешь пойти туда?

Линъюань покачал головой и спокойно сказал:

— То, что должно случиться, не избежать. То, с чем нужно столкнуться, не забыть. Слишком быстрая смерть — это лишь возмездие. — Он взял руку Янь Яня и нежно поцеловал его большой палец. — Не волнуйся, теперь у меня есть ты, глупец, и я ничего не боюсь.

Янь Янь обнял его сзади и поцеловал в ухо.

— Линъюань, пойдём.

— Хорошо.

Мобэй был таким же, как и всегда: пустыня, одинокий дым, кровавый закат, уныние и одиночество.

Время шло, но ничего не менялось. Воспоминания оставались такими же жестокими, какими были всегда.

Линъюаню стало тяжело дышать. Приняв лекарство Шэнь Мобая, он смог заснуть, и кошмары, тянувшие его в бездну, временно отступили. Но сейчас, стоя на этой земле, которая причинила ему столько боли, он снова почувствовал, как раны сердца разрываются от жгучей боли.

Янь Янь крепко сжал его руку, словно пытаясь передать всю свою силу, сказать ему, что всё позади, что теперь у него есть друзья, семья, счастье и любовь, которая никогда его не оставит.

Линъюань прислонился головой к плечу Янь Яня и тихо улыбнулся.

— Янь Янь, я так рад, что не вижу. То, что я не хочу видеть, наконец исчезло.

Янь Янь был подавлен, глядя вдаль. Всё, что он видел, эта дикая пустошь и родина Линъюаня за её пределами, напоминали ему о его прошлой трусости, о том, как он, разрываясь между долгом и любовью, толкал своего возлюбленного в бездну страданий. Как бы Линъюань ни понимал и ни прощал, он не мог позволить себе забыть это.

— Янь Янь, что с тобой?

Янь Янь покачал головой.

— Линъюань, всё в порядке.

— Врёшь.

— Правда. — Янь Янь обнял Линъюаня за талию. — Просто я думаю, что небеса слишком благосклонны ко мне. То, чего я не заслуживаю, то, что я глубоко ранил, в конечном итоге вернулось ко мне.

Линъюань на мгновение замер.

— Янь Янь, я ведь говорил тебе, чтобы ты перестал винить себя. — В его голосе звучало раздражение. — Ты не виноват. Никогда.

Рука Янь Яня скользнула по талии Линъюаня.

— Хорошо, Линъюань, я больше не буду думать об этом. Не сердись.

Линъюань кивнул и взял руку Янь Яня, переплетая пальцы, и прижал её к своей груди. Янь Янь почувствовал облегчение, взглянул на небо и перестал думать о плохом.

— Линъюань, господин Чу сказал, что призрачного гу могут использовать только призраки. Значит, если это действительно связано с Сяо Яо, она уже... мертва?

— Да, — спокойно ответил Линъюань.

— В записях преисподней её нет. Может, она стала блуждающим духом?

— Блуждающим духом?

— Да. Здесь всегда царит война, трупы лежат повсюду, каждый день кто-то умирает, появляются злые духи. Чиновники преисподней не хотят убирать этот беспорядок, поэтому неприкаянные души — обычное дело.

Линъюань вдруг тихо рассмеялся.

— Мёртвым ведь не нужно есть.

— Все освободились, кроме ненависти.

Янь Янь знал, что Линъюань смеётся, но в его сердце была печаль. Он сочувствовал этим духам не потому, что они были жалкими, а потому, что они были униженными.

— Все ли равны? И муравьи, и простолюдины, и знать — никто не может управлять своей судьбой. Люди угнетают друг друга, а став духами, продолжают издеваться, лишь чтобы доказать, что всё же что-то могут контролировать.

Линъюань с трудом сдерживал слёзы.

— Я был таким же, поэтому и причинил боль Сяо Яо.

Янь Янь обнял его и нежно поцеловал в лоб.

— Линъюань, я знаю, что тебе тяжело, но всё закончилось, пора отпустить. Бесконечная месть, как её рассчитать? Взаимные обиды приносят лишь горькие плоды.

Линъюань прижался головой к груди Янь Яня, крепко сжимая его одежду.

— Янь Янь, при жизни я причинил боль многим. Я не раскаивался и не хочу раскаиваться, но только в случае с Сяо Яо я чувствую вину. В кошмарах я вижу то, чего боюсь больше всего, я вижу её, и я боюсь... боюсь встретить её.

Линъюань говорил всё более мучительно, он присел на корточки, сжимая виски от головной боли.

— Сяо Яо никогда не причиняла мне вреда, даже не ругала. Когда её выдали замуж, ей было всего четырнадцать лет. Она была маленькой принцессой, окружённой роскошью, доброй, наивной, милой. Сяо Янь очень любил её. Тогда Хэляню было чуть больше двадцати, он был полон амбиций и всей душой любил её, совершая подвиги, чтобы жениться на ней. А я? Я каждый день изображал улыбку, угождал Сяо Яню, смотрел, как Сяо Яо, окружённая любовью, живёт беззаботно и счастливо, и впервые почувствовал, что я... грязный... отвратительный...

Линъюань закрыл лицо руками, бормоча что-то невнятное. Янь Янь с болью смотрел на него, но не прерывал. Это была рана в сердце Линъюаня, искалеченная годами. Он привык терпеть, привык скрывать слёзы, всё гнило в его сердце, и он никому об этом не рассказывал. Он почти забыл, что спокойный и безмятежный Линъюань был также одиноким духом, полным горечи, страдающим от вечных мук, и любовь не могла компенсировать это.

<http://bllate.org/book/15548/1413628>